

Н. Е. Мазалова

## РУССКИЕ РИТУАЛЬНЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ КАРЕЛИИ

### Резюме

В статье рассматриваются архаические представления, связанные с русскими ритуальными специалистами Карелии. Автор выделяет следующие признаки типов «знающих»: силу, знание, способность входить в измененные состояния сознания, а также нахождение источника силы. Рассматриваются представления о колдунах, их посвящениях, источниках сакрального знания и силы. Особое внимание уделяется специфическим чертам получения сакрального знания неофитами — через слюну и мочу учителя. Анализируются особенности повседневной жизни русских ритуальных специалистов Карелии. Основная функция колдунов — наведение порчи. Порча выражалась в том, что вселившийся в жертву помощник «крал» ее жизненные силы, после чего жертва слабела и умирала. В русской традиции Карелии на протяжении всего XX в. сохранялись представления о свадебной порче. Исследование колдовской свадебной порчи показало, что многие ее элементы восходят к архаическим, переосмысленным в XIX–XX вв. представлениям, переходным обрядам. На свадьбе осуществляется символическая «временная смерть» человека в одном статусе — неженатого парня или незамужней девушки — и рождение человека в другом статусе — женатого мужчины и замужней женщины. Действия колдуна на свадьбе, воспринимаемые как порча молодых, направлены на «введение» жениха и невесты в состояние «временной смерти». «Тайное» знание знахаря, прежде всего, основано на знании *слов* — так во многих локальных традициях называются заговоры. Проанализированы особенности передачи и бытования заговоров в Карелии. Автор делает вывод о том, что русский колдун Карелии — сложный образ. С одной стороны, в нем сохранились архаические черты демиурга, который во время свадебного обряда создает новых членов социума — молодых, способных к продолжению рода, он также осуществляет контроль над поведением членов социума. С другой стороны, в нем наличествуют черты трикстера, «опрокидывающего» устои мира, что приводит к обновлению мира. Функционирование «тайного» знания знахаря направлено на восстановление порядка из хаоса, восстановление целостности организма, которую нарушил колдун, наслав

болезнь на человека. Мифологические черты образа знахаря, который лечит ценою собственного здоровья, зачастую заимствуя болезнь у больного, можно сравнить с чертами героев-демиургов, которые приносят себя в жертву.

*Ключевые слова:* русские Карелии, колдуны, знахари, ритуалы, заговоры

Natalia E. Mazalova

## RUSSIAN RITUAL SPECIALISTS IN KARELIA

### Abstract

This study deals with archaic ideas associated with Russian ritual specialists (sorcerers) in Karelia, their initiation, and the sources of their sacred knowledge and power. The author identifies the following signs of different types of “the knowledgeable”: strength, knowledge, the ability to enter altered states of consciousness, as well as to find a source of strength. Particular attention is paid to the specific means that neophytes employed to obtain sacred knowledge — through the teacher’s saliva and urine. Features of the everyday life of Russian ritual specialists in Karelia are also analyzed. It is believed that the main function of sorcerers is to perform maleficium (*porcha*). The sorcerer causes harm through a mediator who takes possession of a victim and “steals” her vital force, after which the victim becomes weak and dies. In the Russian tradition in Karelia, notions about wedding maleficium persisted throughout the twentieth century, and the study shows that many of its elements go back to archaic rites of passage that were rethought in the 19th and 20th centuries. The wedding is perceived as the symbolic “temporary death” of a person in one status — as an unmarried young fellow or an unmarried girl — and the “birth” of a person in a different status — as a married man or a married woman. The author argues that actions performed by a sorcerer at a wedding, while perceived as harmful to the young couple, are aimed at “introducing” the bride and groom into the state of “temporary death”. Since the “secret knowledge” of the healer is primarily based on the knowledge of incantations (*zagovor*), the article analyzes the process of passage and circulation of magical incantations in Karelia. The author concludes that the Russian sorcerer of Karelia is a complex figure. On the one hand, the image of the sorcerer retains the archaic features of the demiurge, who, during the wedding ceremony, creates new members of society — a young couple, capable of procreation. The sorcerer also controls the behavior of members of society. On the other hand, his image contains the features of a trickster, who “overturns” the foundations of the world, thus ushering its renewal. The functioning of the “secret knowledge” of the healer is aimed at restoring order out of chaos, restoring the integrity of the body, which the sorcerer has violated by “sending” sickness to a person. The mythological features of the image of the healer who heals at the cost of his own health, often through adoption of sickness from the patient, can be compared with the features of heroes-demiurges who sacrifice themselves.

*Keywords:* Russian Karelians, sorcerers, healers, rituals, maleficium, magical incantation

DOI 10.31860/2712-7591-2021-2-60-74

**В** русских локальных традициях Карелии на протяжении XIX — начала ХХI в. сохранялись архаические представления, связанные с ритуальными специалистами. Одним из исследователей ритуальных специалистов этого региона был Константин Кузьмич Логинов [Логинов 1993; Логинов 2001; Логинов 2005 и др.].

В истории отечественной науки в разное время существовала различная дифференциация «знающих» [Криничная 2000, с. 8–27]. Большинство исследователей выделяли три вида ритуальных специалистов: колдуны, ведьмы и знахари. Отличие колдунов от знахарей они видели, прежде всего, в отсутствии связей знахаря с нечистой силой, а главным дифференцирующим признаком считали направленность практик — на добро или на зло.

Вместе с тем представляется, что эта дифференциация не всегда работает на русском материале, поскольку сакральное знание обладает двойственной природой. В. И. Харитонова разделяет русских ритуальных специалистов на колдунов, ведунов и знахарей, которые различались не столько по характеру магической практики (белая = «хорошая» или черная = «плохая»), сколько по способностям и силе человека, принадлежащего к той или иной категории [Харитонова, с. 118–119].

К. К. Логинов предлагал разделять русских ритуальных специалистов на колдунов, знатков или волхвов, которые «делали» как «на добро», так и «на зло»; порчельников — ритуальных специалистов, способных причинять вред здоровью, благополучию, портить свадьбы, но не могущих исправить содеянное; колдунов-скотников, владеющих знаниями и приемами скотоводческой магии; ритуальных специалистов в области любовной магии, а также знахарей, которые владеют заговорами и «делают» исключительно «на добро» [Логинов 2001].

На наш взгляд, можно выделить несколько типов русских «знающих» на основе различных признаков: сила, знание, способность входить в измененные состояния сознания, а также нахождение источника силы — вовне, в мире людей, в теле ритуального специалиста и др. [Мазалова 2019, с. 14–18]. По этим признакам русские ритуальные специалисты Карелии делятся на колдунов и знахарей.

В русской традиции Карелии достаточно полно зафиксированы представления о колдунах, их посвящениях, функциях и др. Магическую силу и тайное знание колдун приобретал, пройдя обряд посвящения [Криничная 2002]. Колдуны получают сакральное знание из потустороннего мира от нечистой силы. «Знать чертей» — это, с одной стороны, указание на происхождение знания, с другой стороны, обозначение контактов с нечистой

силой («знать» в значении «быть знакомым»). Помощники колдуна также являются источником его магической силы.

Овладение «тайным знанием», как правило, включало несколько этапов. Прежде всего, старый колдун обучал неофита магическим приемам и заговорным текстам. После чего проводился собственно обряд посвящения.

Герой былички во время обряда посвящения может поглощать животное или часть животного (его слюну, рвоту и т. д.), т. е. восприятие магической силы происходит через одну из субстанций животного. Так, человек, пожелавший воспринять у «знающего слова», должен проглотить слюну змеи: «Увидишь ты в байне змею, поцелуй ее — половину узнаешь. Слюну у нее возьмешь — всё узнаешь»<sup>1</sup>.

К. К. Логинов достаточно подробно описывает обряд посвящения в колдуны: неофит с учителем должен в полночь отправиться в баню, на перекресток дорог, на кладбище: «Там ему в качестве жертвы следовало сжечь живой черную кошку, распоясаться и, попирая правой пяткой свой нательный крест, святое распятие (или Святое Писание) отказаться от родного отца и матери, от своих детей, от Иисуса Христа и Богородицы. Затем будущий колдун должен был как бы переродиться, для чего ему предлагалось пролезть в пасть гадины или громадной жабы (возникшей из пепла черной кошки) и выйти у нее через задний проход» [Логинов 2001, с. 178].

В завершение описанного обряда посвящаемый поглощал какую-либо субстанцию колдуна — руководителя обряда посвящения: слюну, мочу, сперму и др.<sup>2</sup> С телесной субстанцией неофит усваивал «тайное» знание; слово «понять» применительно к усвоению «тайного» знания обладает значением «взять»; он «внутренне усваивает» это знание [Топоров, с. 17], и теперь оно «вложено» в него.

Сакральное знание (сверхзнание) колдуна, полученное после пребывания его в «ином» мире, заключается в способности владеть помощниками (животными, чертями, мифологическими персонажами и пр.), вступать с ними в контакт, видеть их, управлять ими — *знать* с чертями. Источником знания колдуна могла быть «черная книга» (антоним Библии)<sup>3</sup>.

Магическая сила колдуна материализована в его помощниках, она воспринимается как нечто внешнее по отношению к нему. Однако помощникам

<sup>1</sup> НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. № 81.

<sup>2</sup> НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 142. Л. 12; Ф. 1. Оп. 6. Д. 10. Л. 67–68; Д. 338. Л. 23–24.

<sup>3</sup> «Черные книги» относятся к разряду «воображаемой книги», исследователям не удалось их обнаружить, однако в народной традиции долгое время сохранялось представление о том, что колдуны получали знания именно из этих книг.

приписывалась способность проникать внутрь его тела, иначе говоря, колдун способен вмещать в себя помощников, что напоминает «вмещение духов» у шаманов.

Сила колдуна определялась количеством помощников: «Слабый колдун мог отдавать приказание двум-трем чертям, сильный колдун, словно генерал, командовал легионами» [Логинов 2001, с. 181].

С одной стороны, колдун — хозяин помощников, с другой — зависим от них. Он должен постоянно обеспечивать их работой — чаще всего «вселить их в кого». Поскольку колдун не мог постоянно наводить порчу, он был вынужден давать вместо нее трудные задачи помощникам, например вить веревки из пепла, песка или пыли и др. [Логинов 2001].

Повседневная жизнь колдунов отличалась от жизни рядовых членов социума, у которых она делилась на будни / праздники. Календарный год у колдунов имел свою специфику. У колдунов в праздники осуществлялись контакты с помощниками: «Свою непохожесть на рядовых членов общины заонежские колдуны непременно демонстрировали в дни наиболее важных православных праздников. На Пасху, на великие и двенадцатые праздники, когда народ непременно отправлялся в церковь отстоять заутреню, колдуны демонстративно запирались в банях или в своих комнатах в доме, чтобы громко читать свою собственную колдовскую литературу. Неграмотный колдун мог развлекать в это время чертей игрой на гармошке» [Логинов 2001, с. 178].

Основная функция колдунов — наведение порчи. Нередко наведение порчи происходило в результате нарушения норм социума, например неуважения к старшим, и особенно — к носителю «тайного знания» колдуну. Порча выражалась в том, что вселившийся в жертву помощник «крал» ее жизненные силы, жертва слабела и умирала. Иногда, благодаря наличию помощника в теле, испорченный человек приобретал огромную физическую силу. Так, известному заонежскому колдуну Титову девушка, не зная, как он выглядит, «как-то очень дерзко ему нахамила». Колдун пригрозил: «Я тебе „сделаю“». Через несколько дней «у девушки случилось буйное помешательство. Она, обнаженная, скакала по улицам Шуньги, и только нескольким взрослым мужчинам удалось с ней справиться, чтобы запереть в погреб» [Логинов 2001, с. 180]. Семья испорченной девушки обратилась за помощью к известной Федосеевой, поскольку все другие колдуны Шуньги и Толвиу были «слабее» Титова, который навел порчу.

В русской традиционной культуре Карелии хорошо сохранились представления о колдовской порче. Функции колдуна в свадебном обряде определяются как «портить свадьбу» и / или «ладить свадьбу». Как правило, один и тот же ритуальный специалист — колдун — и портит, и ладит свадьбу.

Исследование колдовской свадебной порчи показало, что многие ее элементы восходят к архаическим, переосмысленным в XIX—XX вв. представлениям и переходным обрядам. Как и в других обрядах перехода, на свадьбе осуществляется символическая «временная смерть» человека в одном статусе — неженатого парня или незамужней девушки — и рождение человека в другом статусе — женатого мужчины и замужней женщины. На определенных этапах свадебного обряда «доминирующими оказываются мотивы смерти, {...} отправление в иной мир» [Байбурин 1993, с. 75]. Представляется, что действия колдуна на свадьбе направлены на «введение» молодых в состояние «временной смерти». Ставшими непонятными обрядовые действия со временем воспринимаются как враждебные по отношению к жениху и невесте, как их порча.

Распространенный в Карелии мотив — колдун с помощью магии делает невозможным вступление в половые отношения молодых в первую брачную ночь. Так, в Заонежье порча сексуального характера называлась «*убрать (спрятать) в костер*». Колдун производил следующие действия: у дома невесты находил щепку, по очертаниям напоминающую человеческую фигуру, и прятал ее в поленницу дров, произнося при этом заговор: «Как молодой не в состоянии найти эту щепку, так он будет не в состоянии найти у жены» [Логинов 1993, с. 19]. По народным представлениям, соитие не могло произойти, поскольку у невесты «убрано все», «закрыто сковородой» [Кузнецова, с. 126].

Вместе с тем, на наш взгляд, подобные поверья, которые в XIX—XX вв. рассматривались как свадебная порча, восходят к архаическим представлениям об опасности, которую представляет для жениха соитие с невестой в первую брачную ночь. Представление о том, что именно в эту ночь происходит испытание сексуальной энергии жениха и дефлорация невесты грозит ему опасностью, является универсальным для многих этносов.

Акции колдуна, препятствующие соитию молодых в первую брачную ночь, помогает прояснить материал соседних народов. Например, «у северных карел в первую брачную ночь, а иногда и в две последующие молодым рекомендовалось воздерживаться от половых сношений. Во многих источниках прямо указывается, что патъвашка запрещал новобрачному трогать молодую до тех пор, пока он не снимет с них свои обереги» [Сурхаско, с. 185].

Молодые в случае порчи — *нестанихи* и др. — жили у колдуна, где он совершал над ними обрядовые действия, цель которых — обеспечить в будущем генеративность молодых [Логинов 1993, с. 21]. Таким образом, совершаемые колдуном магические действия не являются порчей жениха, а наоборот, должны были обезопасить его в первую брачную ночь. Это под-

тверждает и номинация колдуна, обозначающая его функции в свадебном обряде, — *сторож*.

Еще одним видом свадебной порчи («временной смерти») было приведение жениха или невесты (или обоих) в состояние обморока — внезапной потери сознания. Иногда это состояние молодой обозначается как пограничное между жизнью и смертью — «полумертвое»: «Была свадьба, пой кто бросил, жених и невеста оба в обморок пали во время свадьбы. Потом пой кто сделал, да опять свадьба началась. Наверное, кто-нибудь знал, как наладить» [Кузнецова, с. 125]; «Невесту привезли все, со свадьбы, и вот с невестой плохо сделалось в хваленье. И тоже вот как полумертва» [Кузнецова, с. 125].

Испорченная на свадьбе женщина становится неподвижной и «высыхает»; после свадьбы она в течение пяти лет *сидит в углу* (так в Пудожье говорят о тяжело больных, неподвижных людях). В. П. Кузнецова о такой женщине пишет: «Ее покинули силы, и она вся засохла» [Кузнецова, с. 125]. Мифологический персонаж, вселившийся в человека, похищает жизненную энергию жертвы, поддерживая таким образом свою силу.

Один из видов порчи — лишение жениха и невесты человеческого облика, что также можно рассматривать как «временную смерть». Невесту колдун может превратить в сороку или змею. Так, в записанном в Заонежье мифологическом рассказе невесту испортили, это выразилось в следующем: она превратилась в сороку и стала «щектать» (стрекотать) и летать по комнате [Кузнецова, с. 127].

К свадьбе также приурочены соревнования колдунов на свадьбе. С одной стороны, это была демонстрация силы ритуального специалиста, с другой — на свадьбе происходила замена старого специалиста на нового, что соответствует контексту свадьбы — рождению «новых людей».

Нередко более сильный колдун делает так, что более слабый колдун повисает вниз головой, ногами к матице, или его засовывают в печь. Как известно, переворачивание символизирует пребывание в мире мертвых, как и печь — вход в него. Более сильный колдун заставляет соперника выплюнуть все зубы. С одной стороны, лишение зубов означает лишение жизненной и, соответственно, магической силы, а с другой — по архаическим представлениям, зубы — это зародыши будущей жизни, и это обрядовое действие укладывается в контекст свадебного обряда: «И потом что-то свадьба у них стала расстраиваться, этот, которого не пригласили, он пришел и этого колдуна убрал совсем из-за стола. Он его убрал, и тот невидимый стал. Ну, и уже этот свадьбу повел. (...) второй уже довел свадьбу». Он «открыл вот эти дверцы вьюшки, где полагали, трубы-то закрывали, и он оказался там,

запихан в это место. И никакого зуба нет. Колдун должен всегда, чтобы зубы были у него. Без зубов это уже не колдун, у него все будет недействительно». Колдун заставляет поверженного противника сплюнуть, на ладони оказываются зубы: «Вот возьми свои зубы, а вперед не обижай меня. (...) Верно, это похвалялся, а другой, значит, больше его знал» [Кузнецова, с. 117].

Обрядовая деятельность колдуна обозначалась термином «шутит». Слово «шутить» в мифологических рассказах на сюжет «колдун портит свадьбу», прежде всего, обрядовое, оно обозначает не только «говорить, делать что-то ради потехи», но также обозначает и акции колдуна — «наводить порчу», «колдовать». Глагол «пошутить» обозначает деятельность нечистой силы: бес «шутит», сбивая с пути; когда что-то ищут, говорят: «Шут, шут (вариант — бес), поиграй и отдай»; «шутить» в применении к нежити, нечистой силе — «дурить, блазнить, морочить, пугать»; «шут», «шутик» — обозначение черта и других мифологических персонажей (домового, лешего, водяного) [Даль, стб. 1486–1488].

Кроме значения «насмехаться, высмеивать» [Даль, стб. 1486] слово «шутить» имеет и другую семантику: оно родственно балтийским словам со значением «безумствовать, бесноваться, буйствовать во гневе, приходиться в бешенство» (например, литовским, латышским) [Фасмер, с. 411]. Таким образом, слово «шутить» также означает особое психофизиологическое состояние колдуна во время отправления магических практик, напоминающее состояние безумного человека; оно также обозначает «порчу свадьбы» — введение жениха и невесты в состояние «временной смерти». Близость представлений о смехе и смерти подтверждают пословицы: «Шутник покойник: пошутил, да и помер» и др.

Многие акции колдуна на свадьбе вызывают смех и радость у присутствующих. Смех в свадебном обряде имеет созидательный характер, он направлен на создание «новых» членов социума, имеет генеративную семантику.

Этические характеристики деяний русских ритуальных специалистов Карелии совпадают с общерусскими. Главная особенность колдуна — злой. Понятие «злой» применительно к колдуну — не только атрибутивная категория, но и процессуальная: оно означает, что «злой» колдун «творит зло», т. е. определение «злой» — это не только оценка личности колдуна; обычно оно обозначает и его деятельность — порчу человека, животного и т. д.: «В Пелгострове был Колич (колдун. — Н. М.). Его на свадьбы худо угостили, дак ен спортил молодых. (...) Ой, Колич был злой» [Кузнецова, с. 105–106].

Колдун — храбрый человек, он находится в оппозиции к власти. Народная молва оценивает его как героя, храбреца [Мазалова 2013]. Колдун



не боится представителей власти, которые пытаются запретить ему заниматься магическими практиками. К. К. Логинов описал заонежского колдуна Ивана Титова, который в 1930-х гг. оставался единственным в районе владельцем мельницы. До сих пор бытуют рассказы о том, как его пытались раскулачить районные власти, поскольку местные панически боялись. Для описания его имущества прибыла целая группа представителей районного Совета. Титов посадил их в лодку, которая начала двигаться с необычной скоростью. На вопрос, почему лодка движется так быстро, Титов ответил: «А не показать ли вам гребцов?». На лодку налетела туча чертей, некоторые гребли, некоторые раскачивали лодку. Представители власти были очень напуганы: доплыв до места, они тут же повернули назад, отказавшись от своей затеи, и гребли уже сами [Логинов 2001, с. 183]. Колдун демонстрирует необыкновенную храбрость. Осмеяв представителей власти, он показывает, что обладает магической силой, дающей превосходство над ними.

Колдун перед смертью должен был передать помощников преемнику. В том случае, если таковых не находилось, следовало зарыть в землю «черную книгу» или сделанные из нее выписки. Таким образом, происходила отправка помощников в иной мир, откуда они пришли в мир людей.

Русский колдун Карелии — сложный образ. С одной стороны, в нем сохранились архаические черты демиурга: например, он во время свадебного обряда создает новых членов социума — молодых, способных к продолжению рода; он также осуществляет контроль над поведением членов социума. С другой стороны, в нем наличествуют черты трикстера, «опрокидывающего» устои мира, что приводит к обновлению мира.

«Тайное» знание знахаря — еще одного, намного более «слабого» по сравнению с колдуном, ритуального специалиста, — прежде всего, основано на знании *слов* — так во многих локальных традициях называются заговоры. На протяжении XIX—XX вв. и до начала XXI в. у русских Карелии сохранялась развитая заговорная традиция [Рыбников 1991; Русские заговоры Карелии; Логинов 2007 и др.]. В Карелии сохранилось множество запретов и предписаний, связанных с заговорами.

В Заонежье существует предписание: «тайное» знание нужно передавать людям с хорошими волосами и зубами, которые можно рассматривать как зримое выражение расцвета жизненных сил человека.

До наших дней сохраняется предписание передавать заговоры от старшего к младшему. Вероятно, с представлениями о возрасте и концентрации жизненной силы связан существующий у знахарок запрет передавать заговоры людям старше себя, иначе заговоры у передающей не будут действовать.

В соответствии с народными представлениями обретение знаний считается физиологическим процессом, ближайшим аналогом которого является поглощение еды и питья [Байбурин 1998, с. 494–499]. Практика произнесения заговоров сравнивается еще с одним физиологическим процессом — сплевыванием. В процессе передачи слов объединяются два физиологических процесса — сплевывания и поглощения. В некоторых районах Заонежья заучивание заговоров сопровождается тем, что знахарь «плюет слова» в воду, а ученик ее выпивает. Или передача тайных знаний — заучивание заговоров будущим знахарем, переписывание текстов заговоров у пастухов — сопровождалась тем, что ученик должен был проглотить слюну учителя и ничего не бояться. Как уже говорилось, во время обряда посвящения неофит выпивал слюну или мочу колдуна.

Знахарка могла лечить до тех пор, пока оставалась здоровой и крепкой. Распространенное представление: знахарка может эффективно лечить болезни заговорами лишь тогда, когда у нее не выпали все зубы: целы все или хотя бы часть зубов.

В некоторых русских локальных традициях заговор, зафиксированный в письменной форме, считается более сильным, чем переданный устным путем. По народным представлениям, устный заговор воспринимается как нечто материализованное. Заговор, зафиксированный в письменной форме, представляет собой зрительную материализацию слова. Вероятно, в этом одна из причин того, что рукописным заговорам приписываются те же функции, что и магическим предметам.

Рукописный текст, как и магический предмет, связан со своим владельцем. Если сжечь тексты заговоров, то «знающий» больше не сможет лечить: «Если тетрадь (с записанными в ней заговорами. — *Н. М.*) сгорала, то лечение считалось недействительным, даже если что-то помнишь из тетради»<sup>4</sup>. По народным поверьям, огонь уничтожал не только бумагу, но и силу слов, записанных на ней.

Как «тайное» знание и магическая сила колдуна требуют обновления, так и силу заговора нужно восстанавливать. Современная «знающая» из Карелии в качестве важнейшего ритуала обновления силы своих магических заговоров рассматривает ежегодное повторение их на заре в день Великого четверга, непременно натошак, не сполоснув рта, не почистив зубы<sup>5</sup>.

<sup>4</sup> НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 50. Д. 1102. Л. 37.

<sup>5</sup> АМАЭ. Ф. 1. Оп. 2. № 1881. Л. 34.

Еще в начале XXI в. в деревнях Карелии функционировали знахари, которые знали много заговоров — «много знали»<sup>6</sup>. Агафья Ильинична Зуева (Михеева) родилась в д. Нюхчезеро Онежского района Архангельской области в 1919 г. В 2004 г. считалась лучшей действующей знахаркой пос. Валдай. Она является наследницей женской заговорной традиции семьи Михеевых (своей бабушки и матери). *Слова* (заговоры) А. И. Зуевой передала бабушка: «Она на печи сидит, а я на полатах записываю», — а также «знающая» соседка, от которой она записала много заговоров. Как и большинство знахарок, лечить начала в зрелом возрасте: «Когда я молода была, я не хотела (практиковать. — *Н. М.*)». По народным представлениям, ритуальными специалистами становились женщины, утратившие генеративные способности. Умеет «налаживать грыжу», лечить испуг, править позвоночник и др. А. И. Зуева считает, что обладает значительной магической силой: «Я сама колдун и колдуна мужчину переборю». В преклонном возрасте она испытывала трудности во время отправления магических практик. По народным представлениям, отсутствие зубов лишает человека магических сил: «Зубы не мои, тяжело говорить слова». Она считает, что отсутствие зубов компенсирует металлический предмет: «Зубов нет, я кольцо золотое в рот возьму». Считает, что тайное знание нужно передавать внутри семьи, по наследству: «Говорят, только по своим передавать (внутри семьи. — *Н. М.*)»<sup>7</sup>. А. И. Зуеву отличает ответственное отношение к отпращиванию магических практик, основанное на христианских представлениях: «Раньше зубы были, энергии больше, теперь думаешь, каких слов не забыть, чтобы не обидеть человека, чтобы польза была»<sup>8</sup>. Подобные высказывания основаны на том, что человек с зубами обладает большим количеством жизненной силы, и на том, что заговор, произнесенный неточно, не обладает магической силой.

Сама знахарка характеризует свои целительские практики как желание помочь: «У меня душа легкая — от всей души делаю, хочу помочь людям». Помощь понимается как отчуждение от себя. Так же А. И. Зуева характеризует умершую знахарку, от которой заимствовала некоторые заговоры: «Добрая старуха лечила, Анна Захарьевна, она лечила от души своей». Здесь мы сталкиваемся с представлением о передаче собственных сил для восстановления сил больного.

---

<sup>6</sup> Сведения об одной из таких «знающих» — А. А. Зуевой — были собраны в апреле 2004 г. экспедицией в составе К. К. Логинова, Н. В. Мазаловой и Дз. Фудзивары в Карелии (пос. Валдай) от выходцев из населенных пунктов с верховий рек Илексы и Нюхчи, а именно из Калгачихи, Нюхчезера, Челозера и из Варбозера [Мазалова 2013; Логинов 2005; Логинов 2007].

<sup>7</sup> АМАЭ. Ф. 1. Оп. 2. № 1881. Л. 19.

<sup>8</sup> Там же. Л. 15.

По мнению А. И. Зуевой, лечение знахарки не всегда действительно по отношению к ее детям, поэтому «знающие» «наперекрест» лечили: когда заболел ее собственный ребенок, знахарка не лечила его сама, а обращалась за помощью к другой «знающей», и наоборот: «Я своих детей не могу лечить... Внуков можно лечить, им помогает». Может быть, поэтому и знахарками становились в возрасте бабушек. По ее мнению, себя самое она лечить может.

Существует запрет лечить заговорами в большие праздники. Однако когда на Пасху к ней пришла женщина — детский врач (у ее грудного ребенка была грыжа), баба Ганя провела сеанс лечения: «Я грех на душу взяла». Вместе с тем, несмотря на наши уговоры, отказалась петь песни на Пасхальной неделе: «Петь песни на Пасхальной неделе грех».

В округе А. И. Зуева считается «знающей» «на добро». Вместе с тем некоторые соседи уверяют, что «дед бабы Гани был чернокнижником, прадед от припадков лечил, чертей, мертвецов поднимал... в 12 часов ночи водил, ложил около могилы, кладбище ходуном ходило»<sup>9</sup>. Мы записали сведения о том, что, как выяснилось, Михеич не прадед, а дальний родственник А. И. Зуевой.

Состав заговоров: хозяйственные, лечебные и др. Приведем пример заговора от грыжи, которые чаще всего в практике использовала А. И. Зуева: «Свалюсь спать, раб Божий (имя), благословясь, встану перекрестясь, отцом прощен, матерью благословлен, выйду в чистое поле, пойду по большой дорожке, на этой на большой дорожке встречается мне черная болезнь, проклятая грыжа. Спрашивает у ней раб Божий (имя): Куда ты пошла, черная болезнь? Она отвечает: пошла по мужчинам и женщинам и по малыма деткам. Откажу я эту черную болезнь, проклятую грыжу. Иди-ка ты, черная болезнь, к черному морю. Лежит там на берегу Голь голова. Есть там большая щука. Ходи и лечи всех, и загрызай им проклятую грыжу. Оставь ты, черная болезнь, проклятая грыжа, раба Божьего (имя) в покое. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа». «Можно говорить на воду, водку или масло. Но лучше на воду. Возьмешь стакан воды, наговори трижды, трижды попей помалу (по глотку). Намыть остатками лицо, низ помыть (где грыжа). Спать ложиться молча, ни с кем не разговаривать»<sup>10</sup>. Это полный заговорный текст с указанием, как его использовать.

<sup>9</sup> АМАЭ. Ф. 1. Оп. 2. № 1881. Л. 5. По рассказам информантов, известный на Выгозере колдун Михеич лечил с помощью мифологических персонажей — чертей, мертвецов, русалок, леших.

<sup>10</sup> АМАЭ. Ф. 1. Оп. 2. № 1881. Л. 45.

Свои заговоры А. И. Зуева постепенно передает; она считает, что «тайное знание» должно быть передано при жизни. Ее преемницей стала племянница Алевтина Петровна Зуева (Курбатова), 1934 г. р., и в настоящее время именно она признается лучшей знахаркой пос. Валдай Сегежского р-на (Карелия).

Функционирование «тайного знания» знахаря направлено на восстановление порядка из хаоса, восстановление целостности организма, которую нарушил колдун, наслав болезнь на человека. Мифологические черты образа знахаря, который лечит ценою собственного здоровья, зачастую занимаясь болезнью у больного, можно сравнить с чертами героев-демиургов, которые приносят себя в жертву.

Важнейшая функция знахаря — «делать добро» = «ладить», а его главная характеристика — «добрый». Делать добро — обозначение характера «тайного знания» и магических практик знахаря, цель которых — восстановление нарушенного порядка.

Следует отметить, что до настоящего времени в некоторых русских деревнях Карелии продолжают функционировать знахари, а также, хотя и в редуцированной форме, сохраняются представления о колдунах, к которым нередко относят современников с определенными качествами характера — злых, недоброжелательных, завистливых. Таким образом, представления о ритуальных специалистах остаются составной частью духовной культуры русских Карелии.

## Литература

- Байбурин 1993 — Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ славянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 253 с.
- Байбурин 1998 — Байбурин А. К. Чудесное знание и чудесное рождение // ПОЛУТРОПОН: К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М.: Индрик, 1998. С. 494–499.
- Даль — Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. СПб.; М.: Изд. т-ва М. О. Вольф, [1914]. Т. 4. [4] с., 1619 стб.
- Криничная 2000 — Криничная Н. А. Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов. СПб.: Наука, 2000. Т. 2: Былички, бывальщины, легенды, поверья о людях, обладающих магическими способностями. 576 с.
- Криничная 2002 — Криничная Н. А. Посвящение в колдуны: историко-этнографическая основа русских мифологических рассказов о передаче-усвоении этнотерических знаний // Этнографическое обозрение. 2002. № 2. С. 10–23.
- Кузнецова — Кузнецова В. П. О функциях колдуна в русском свадебном обряде Заонежья // Заонежский сборник. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1992. С. 117–131.
- Логинов 1993 — Логинов К. К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1993. 227 с.

- Логинов 1994 — *Логинов К. К.* О свадебной «порче» в Заонежье // Обряды и верования народов Карелии: Человек и его жизненный цикл. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1994. С. 144–154.
- Логинов 2001 — *Логинов К. К.* Колдуны Заонежья: истинные и мнимые // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера: III Междунар. конф. «Рябининские чтения». Петрозаводск: [б. и.], 2001. С. 176–187.
- Логинов 2005 — *Логинов К. К.* Из народной медицины Верхнего Поилекся // Структура и динамика природных экосистем и формирование народной культуры на территории национального парка «Водлозерский». Петрозаводск: [б. и.], 2005. С. 3–5.
- Логинов 2007 — *Логинов К. К.* Из заговорной традиции деревни Нюхчезеро // Народные культуры Европейского Севера: Материалы республ. науч. конф. (Архангельск, 15–17 октября 2007 г.). Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2007. С. 108–117.
- Мазалова 2011 — *Мазалова Н. Е.* Этнографические аспекты изучения личности «знающего» (XIX — начало XXI в.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2011. 304 с.
- Мазалова 2013 — *Мазалова Н. Е.* Русский колдун: герой, злодей // Труды Карельского научного центра РАН: Сер. гуманитар. наук. 2013. № 4. С. 41–50.
- Мазалова 2019 — *Мазалова Н. Е.* Народно-медицинское «тайное знание» русских ритуальных специалистов: семантика, статус, функции (конец XIX — начало XXI в.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2019. 29 с.
- Рыбников 1991 — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Петрозаводск: Карелия, 1991. Т. 3: Былины. 365 с.
- Русские заговоры Карелии — Русские заговоры Карелии / Сост. Т. С. Курец. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. 276 с.
- Сурхаско — *Сурхаско Ю. Ю.* Карельская свадебная обрядность (конец XIX — начало XX в.): Л.: Наука, 1977. 237 с.
- Топоров — *Топоров В. Н.* Об одной индоевропейской заговорной традиции (избранные главы) // Исследования в области балто-славянской культуры: Заговор. М.: Наука, 1993. С. 3–103.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Терра — Книжный клуб, 2008. Т. 4. 860, [3] с.
- Харитоновна — *Харитоновна В. И.* Заговорно-заклинательное искусство восточных славян: проблемы традиционных интерпретаций и возможности современных исследований. М.: ИЭА РАН, 1999. Ч. 1. 292 с. (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам; Т. 3: В 2 ч.).

## References

- Baiburin, A. K. (1998). 'Chudesnoe znanie i chudesnoe rozhdenie', in: *POLYTROPON. K 70-letiyu Vladimira Nikolaevicha Toporova*. Moscow: Indrik, 494–499.
- Baiburin, A. K. (1993). *Ritual v traditsionnoi kul'ture: Strukturno-semanticheskii analiz slavyanskikh obryadov*. St. Petersburg: Nauka. 253 p.
- Dal', V. I. ([1914]). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka Vladimira Dalya*. St. Petersburg; Moscow: Izdanie tovarishchestva M. O. Vol'f. Vol. 4. [4] p., 1619 col.

- Fasmer, M. (2008). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*. Vols. 1–4. Moscow: Terra — Knizhnyi klub, 2008. Vol. 4. 860, [3] p.
- Kharitonova, V. I. (1999). *Zagovorno-zaklinatel'noe iskusstvo vostochnykh slavyan. Problemy traditsionnykh interpretatsii i vozmozhnosti sovremennykh issledovaniy*. Moscow: Institut etnologii i antropologii. Vol. 1. 292 p.
- Krinichnaya, N. A. (2002). 'Posvyashchenie v kolduny: istoriko-etnograficheskaya osnova russkikh mifologicheskikh rasskazov o peredache-usvoenii ezotericheskikh znaniy', *Etnograficheskoe obozrenie*, 2, 10–23.
- Krinichnaya, N. A. (2000). *Russkaya narodnaya mifologicheskaya proza. Istoki i polisemitizm obrazov*. St. Petersburg: Nauka. Vol. 2: Bylichki, byval'shchiny, legendy, pover'ya o lyudyakh, obladayushchikh magicheskimi sposobnostyami. 576 p.
- Kurets, T. S., ed. (2000). *Russkie zagovory Karelii*. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 276 p.
- Kuznetsova, V. P. (1992). 'O funktsiyakh kolduna v russkom svadebnom obryade Zaonezh'ya', in: *Zaonezhskii sbornik*. Petrozavodsk: Karelskii nauchnyi tsentr Rossiiskoi akademii nauk, 117–131.
- Loginov, K. K. (2005). 'Iz narodnoi meditsiny Verkhnego Poileks'ya', in: *Struktura i dinamika prirodnykh ekosistem i formirovanie narodnoi kul'tury na territorii natsional'nogo parka "Vodlozerskii"*. Petrozavodsk: [s. n.], 3–5.
- Loginov, K. K. (2007). 'Iz zagovornoj traditsii derevni Nyukhchezero', in: *Narodnye kul'tury Evropeiskogo Severa. Materialy respublikanskoj nauchnoi konferentsii* (Arkhangel'sk, 15–17 oktyabrya 2007 goda). Arkhangel'sk: Pomorskii gosudarstvennyi universitet, 108–117.
- Loginov, K. K. (2001). 'Kolduny Zaonezh'ya: istinnye i mnimye', in: *Master i narodnaya khudozhestvennaya traditsiya Russkogo Severa: III Mezhdunarodnaya konferentsiya "Ryabininskie chteniya"*. Petrozavodsk: [s. n.], 176–187.
- Loginov, K. K. (1994). 'O svadebnoi "porche" v Zaonezh'e', in: *Obryady i verovaniya narodov Karelii: Chelovek i ego zhiznennyi tsikl*. Petrozavodsk: Karelskii nauchnyi tsentr Rossiiskoi akademii nauk, 144–154.
- Loginov, K. K. (1993). *Semeinye obryady i verovaniya russkikh Zaonezh'ya*. Petrozavodsk: Karelskii nauchnyi tsentr Rossiiskoi akademii nauk. 227 p.
- Mazalova, N. E. (2011). *Etnograficheskie aspekty izucheniya lichnosti "znayushchego" (XIX — nachalo XXI veka)*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 304 p.
- Mazalova, N. E. (2019). *Narodno-meditsinskoe "tainoe znanie" russkikh ritual'nykh spetsialistov: semantika, status, funktsii (konets XIX — nachalo XXI veka)*. Moscow. 29 p.
- Mazalova, N. E. (2013). 'Russkii koldun: geroi, zlodei', in: *Trudy Karelskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Seriya gumanitarnykh nauk*, 4, 41–50.
- Rybnikov, P. N. (1991). *Pesni, sobrannye P. N. Rybnikovym*. Petrozavodsk: Kareliya. Vol. 3: Byliny. 365 p.
- Surkhasko, Yu. Yu. (1977). *Karelskaya svadebnaya obryadnost' (konets XIX — nachalo XX veka)*. Leningrad: Nauka. 237 p.
- Toporov, V. N. (1993) 'Ob odnoi indoevropeskoj zagovornoj traditsii (izbrannye glavy)', in: *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoi kul'tury: Zagovor*. Moscow: Nauka, 3–103.